

Л. М. Рошаль

**Оттепель. Новый этап
в отечественном кино.
Творчество Марлена Хуциева**

Лев Рошаль

**Оттепель. Новый этап
в отечественном кино.
Творчество Марлена Хуциева**

«ВГИК»

2015

УДК 778.5 с(092) «Хуциев М.»
ББК 85.374(2)

Рошаль Л. М.

Оттепель. Новый этап в отечественном кино. Творчество Марлена Хуциева / Л. М. Рошаль — «ВГИК», 2015

ISBN 978-5-87149-186-7

Книга Льва Моисеевича Рошалья (1936–2010) «Оттепель. Новый этап в отечественном кино. Творчество Марлена Хуциева» явление по-своему уникальное. Эта книга написана человеком, который, вслед за Хуциевым, прожил и познал большую часть этой эпохи. Для Л.М. Рошалья история всегда была важнейшим параметром всех творческих начинаний и результатов, он прослеживает творчество Хуциева на фоне разных исторических эпох, определяя место режиссера и его фильмов по отношению к общественным и культурным изменениям, по отношению к тогдашним зрителям этих фильмов и к тем, кто их смотрит и будет смотреть.

УДК 778.5 с(092) «Хуциев М.»

ББК 85.374(2)

ISBN 978-5-87149-186-7

© Рошаль Л. М., 2015

© ВГИК, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
-----------------------------------	---

Лев Рошаль

Оттепель. Новый этап в отечественном кино. Творчество Марлена Хуциева

Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова
Научно-исследовательский институт киноискусства

Рецензенты:

Старший научный сотрудник НИИК ВГИК С.М. Ишевская

Старший научный сотрудник НИИК ВГИК С.К. Каптерев

Предчувствие (Вместо вступления)

Буквально вслед за смертью Сталина и его похоронами, практически сразу, – по историческим меркам хронологии, можно сказать, *на другой же день*, – в СССР пришло странное, таинственное, ещё совсем слабо понятное время. Только-только рыдавшая в неизбывном горе страна оплакивала усопшего вождя, своего любимого «друга и учителя». Да и вообще пока вроде бы ничего необычайного не случилось.

Однако вполне реальное *предчувствие*, что **что-то**, до сей поры, может, и **неслыханное**, уже начинает пробиваться, всё же довольно ощутимо повисло в воздухе. Скорее всего, видимо, в некоем зыбком, но порой очевидном контрасте с тем воистину безумием, что было ещё лишь вчера.

Впрочем, ничего удивительного для нашего Отечества в том нет. Если заглянуть в родное прошлое, то без труда найдём там нечто подобное, с завидным постоянством отыгрывающее схожие ситуации.

Вообще Российская история так удобно себя устроила, что ничего для неё не было более чем излюбленного, как с приметной регулярностью ходить по разным эпохам одними и теми же кругами.

Причём, почти всегда возникала изначально надежда, что уж на этот раз выпадут, наконец, обещающие успех и счастье «тройка», «семёрка», «туз». Но, увы, чаще всего в последний момент откуда-то выныривала «Пиковая дама». А она ничего, хотя бы мало-мальски приятного, для дальнейшей поступи истории не сулила.

В прекрасной своей книге о драматурге А.Н. Островском Владимир Яковлевич Лакшин рассказывает, например, о тревожной атмосфере московской жизни, в какую просочились из Петербурга неясные слухи о кончине Николая I. То ли уже почил, то ли ещё нет. Ясности совершенно не было. Тем более, и сообщений о какой-либо болезни императора, грозящей его жизни, предварительно не давалось (не правда ли, ситуация, нам тоже неплохо знакомая?).

Меж тем, в северной столице уже объявили траур по покойнику. В связи с этим Лакшин приводит рассказ актрисы Шуберт: «Петербург заволновался, все охали, ахали; говорили, что каково принять бразды правления после такого колосса»¹.

Между прочим, заметьте: снова «что-то слышится родное» в этих песнях насчёт «колосса». «Колосса», несомненно, солидного роста, крепкой стати и «рупорного» гласа, от какого в минуты высочайшего гнева все приближённые к их величеству в трепете приседали.

Но «колосс» этот, предварительно разработав до мельчайших подробностей порядок процедуры, повесил без всяких сожалений пятерых декабристов, отправив остальных на рудники

¹ Лакшин В. // А.Н. Островский. М., Искусство. Серия «Жизнь в искусстве». 1982. С. 297.

в Сибирь. Гноил Лермонтова и был душителем малейшего проявления свободомыслия. Но это, как говорится, к слову!..

Наконец, и вторая столица удостоверялась в смерти августейшей особы. Историк Сергей Михайлович Соловьёв, отправившись к воскресной обедне, встретил по дороге Хомякова, который и сказал, что теперь, должно быть, уже присягают в сенате: умер. Лакшин далее пишет: «Называть того, о ком речь, было излишне. На крыльце университетской церкви Соловьёв увидел Грановского, подошёл к нему и молвил: «Умер!» Тот отвечал: «Нет ничего удивительного, что он умер, удивительно то, что мы с вами живы»².

Каково, однако!.. Вот один из отголосков той эпохи, в какую ещё лишь вчера переживались, долго терпелись очередные безумия верховной царской власти.

Но, как и в те, ныне уже давние времена середины 19-го века, так и в начале 50-х века прошлого, несмотря на близость в том и другом случаях печали «гробовых» торжеств, люди начинали вслушиваться в пока очень слабый, однако явственно всё-таки нараставший подземный гул перемен.

А ведь совсем ещё недавно, незадолго до кончины «Отца народов», в Стране Советов, «самой свободной стране мира», по назойливым уверениям её властителей и, главное, их бесчисленных адептов разных мастей и служебных рангов, комом катились события, ужасающие не только драматизмом финала множества судеб. А и чудовищной, если бы вдуматься, бессмыслицей трагических абсурдов. Но вдуматься, в силу стремительности этого самого событийного наката, увы, редко, кому удавалось. Потому всё происходившее казалось никак в то время не объяснимым сумасшествием. И лишь много позже стало понятно: то, что тогда вершилось, вполне сознательно направлялось уверенной, твёрдой, хоть и старческой, но далеко не ослабевшей рукой.

Впрочем, не исключено, что рукой и впрямь к тому времени уже сумасшедшего. Чего, однако, не скажешь о верном его окружении, безропотно выполнявшем волю безумца, находясь при этом пока ещё, более или менее, в здравом уме и, так сказать, твёрдой памяти.

В день «старого» Нового года, 13 января 1953-го, центральный орган КПСС газета «Правда» «порадовала» читателей сообщением о разоблачении группы врачей. Это были, главным образом, Кремлёвские медики, которые, как информировала газета, своим заведомо неправильным лечением приближали гибель вождей государства. Сообщение, в основном, содержало еврейские фамилии с некоторыми вкраплениями фамилий русских.

Была объявлена и та, которая, благодаря своей бдительности, сумела их вовремя обезвредить. Лидия Тимашук! Разумеется, тоже врач. Её сразу наградили за беспримерный по мужеству поступок орденом Ленина. Газеты запестрели «душевными», полными сладкого умиления очерками с подробностями этого её небывало смелого поступка. А журналы помещали карикатуры на «врачей-убийц в белых халатах». К тому же, хороводились слухи, весьма похожие на правду, о стоящих «под парами» на вокзальных путях эшелонах, готовых к отправке для массового переселения евреев в сибирские, морозостойкие края.

Вся эта вакханалия нагнетала в обществе, скажем так, *испуганную* атмосферу. Не столько вожди, сколько простые граждане начали опасаться посещать поликлиники, вызывать «скорые».

Наша соседка по густо населённой Арбатской коммуналке (до революции эта не слишком обширная квартира целиком принадлежала моему деду с материнской стороны Владимиру Васильевичу Кобанову, его супруге Елизавете Николаевне и трём их дочерям, из коих младшая позже стала моей матерью; дед был царским полковником, командиром 143 Дорогобужского пехотного полка, погибшим в августе 1914-го вместе с полком, оставленным прикрывать отход разгромленной у Мазурских озёр 2-ой русской Армии генерала Самсонова). Так вот эта

² Указ. соч. С. 298.

соседка, старая работница «Трёхгорки», единственная в нашем коммунальном «сообществе» олицетворявшая партийную прослойку, уверенно, но и обескуражено поведала на кухне моей матери *страшную* новость. Одна ткачиха с их фабрики пошла в аптеку, купила по надобности какие-то таблетки. А в каждой таблетке, чтобы вы думали – вошь!

Мать её тут же горячо обругала за несусветную глупость, хотя на душе у неё остался противный, горький осадок. Не от вшей в таблетках, а от этой самой «несусветной глупости», спровоцированной безумной обстановкой. При этом соседка наша, помнится, не была антисемиткой. Но в момент всеобщего подогретых страстей просто перестала доверять спасительной силе медицины.

Стоит также сказать, что сама идея о намерениях докторов не исцелять, а исподтишка подло гробить своих заслуженных пациентов, была вовсе не такой уж свежей. Ещё до войны врачи Плетнёв и Левин были обвинены в сознательно неверном лечении писателя Максима Горького, некоторых руководителей страны. Это-то злодейство до времени, уверяла власть, и свело их в могилу.

Правда, великий писатель чуть ли не всю жизнь страдал чахоткой, что было хорошо всем известно. В российскую непогоду согревал свои лёгкие под ласковым солнцем итальянского острова Капри.

Потому, вообще-то говоря, имелись у него и собственные серьёзные основания расстаться с миром без посторонних усилий. Да и к тому же на близком приближении к седьмому десятку.

Но стадия абсурда, сопровождаемого всеобщим помутнением рассудка, держалась на столь высокой шкале, что даже не впускала мысль о возможности бредовых выдумках власти, закладывая в головы сомнения: а может и впрямь лекари совершали нечто недозволенное?

Короче, врачей, причастных к лечению Алексея Максимовича, посадили, а затем и расстреляли. Так что и эта история была из рода «повторяемых», «круговых». Правда, теперь размах был покруче, так как и список «убийц в белых халатах» в этот раз оказался погуще.

В те поры я учился в девятом классе. Мой школьный друг Витя после ареста врачей приходил в класс бледный, на нём, как говорится, не было лица.

Дело в том, что его родители тоже были медиками. Отец Абрам Евгеньевич недавно защитил докторскую диссертацию. От него Витя, между прочим, унаследовал фамилию

Левин. Но отец никакого родственного отношения к одному из отравителей пролетарского писателя не имел.

Зато он был прямым учеником другого горьковского отравителя – Плетнёва.

Кстати, Дмитрий Дмитриевич Плетнёв, до того, как «прикончить» Горького, являлся одним из основателей отечественной кардиологии. Будучи разносторонним и глубоким специалистом, разрабатывал проблемы инфекционных болезней. Ещё в 1933 году ему присвоили по тем временам весьма редкое звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, которое, тем не менее, ни от чего не уберегло.

Плетнёв подарил Витиному отцу свою книгу. Но после всех дальнейших катавасий с дарителем бесценную книгу с бесценной дарственной надписью пришлось сжечь. И всё же можно было в какой-то мере надеяться, что история давнего ученичества у Плетнёва не вынырнет на поверхность.

Однако совсем уж худо было с Витиной мамой Марией Григорьевной. Она была ученицей профессора Этингера, фамилия которого фигурировала в только что опубликованном «Правдой» списке «врачей-убийц». Впрочем, и Абрам Евгеньевич многих из этого списка знал не понаслышке, со многими общался. Витя, каждый день, рассказывая о новых арестах, всё время, повторял одну и ту же зловещую фразу: «Круг сужается».

Правда, по поводу его отца существовала ещё одна надежда. В принципе, надежда очень слабая. Но, тем не менее.

После защиты докторской, для получения звания профессора, он по тогдашним правилам должен был возглавить на определённый срок какую-нибудь кафедру в любом медицинском вузе страны. Такая кафедра нашлась, в частности, в Красноярске. Он туда переехал, временами совершая наезды по основному своему месту жительства в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.